

Вот Ты дал мне дни как пяди,
и век мой ничто перед Тобой.

Пс. 38:6

07:01

Сколько света, мира передвесеннего, сходят льды, трава примятая привстает, а потом ковром одуванчики, синь небесная, грозы майские, ливни летние, листопады осенние, через вьюгу снежную и забвение — воскресение, жизнь бессмертная говорит.

Ф.М. Булкин

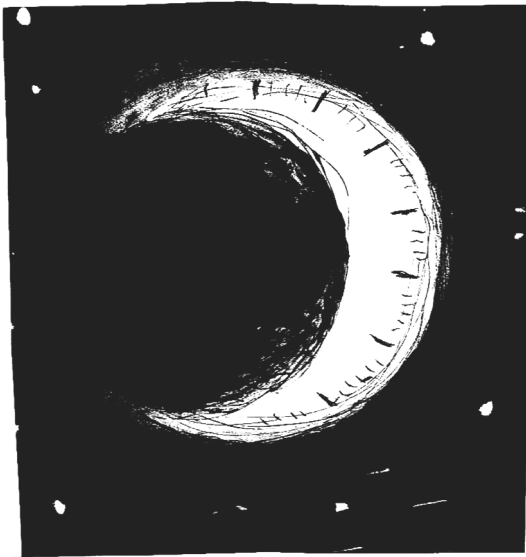
В день начала следующей повести Иванов наш Борис Анатольевич появился на проходной, как всегда появлялся он, ровно в семь. Так представьте себе его: с черным зонтиком, седенький, небольшая бородка уточкой, в сером драповом полупальто. Это был человек до странности обязательный, пунктуальный до крайности, но при том не навязчивый этим пунктиком до других. Никому из нас за опозданье не поставит на вид, не укорит замечанием. Так, бывало, только плечами пожмет, улыбнется рассеянно. Это, мол, твое дело и причина твоя, опоздать тебе или поторопиться. И не помним за весь период существования нашей лаборатории, чтоб хоть словом кого из нас попрекнул. Да и сами

примером его старались не опоздать. Старой закалки был человек, не сверять куранты, а ставить.

Здесь на проходной у нас система пропуска строгая, НИЦ — национальный исследовательский центр, заведение секретное, военный объект. Молодцы у турникетов стоят с автоматами, с кирпичными лицами, как не мать, прости господи, родила, — из того ларца, где в жилетах пуленепробиваемых государство ставит их на поток. И хотя знают всех нас, сотрудников, лицами, однако без идентификации с обыском мышшь сквозь металлоискатели не скользнет. Только наше начальство ездит справа, сквозь ворота отдельные, только голуби гадят снаружи и изнутри. По колючей проволоке над заборами, по всей охраняемой территории пущен ток, так что утром, как от остановки идешь, голубей околевших под забором лежит штук по многу, для устрашения, пока дворник не уберет.

Иванов же наш, как лицо, известное всему научному миру, главный руководитель нашей скромной лаборатории по проблемам возможностей временной энергетики (изучение измерения сверхвозможностей, сверхпроводимостей, термодинамики, радионавигации и всемирного координирования — *UTC* — с целью использования временной энергетики в мирных целях), шагнул к пропускной, как обычно, ровно в семь, не взглянув на циферблат Временного контроля (ВК), что установлен на входе. И в этот момент случилось невероятное.

— Опаздываете, Борис Анатольевич, — разумеется, узнав профессора, и не в смысле укора, но скорее призывая знаменитого человека приобщиться

дружеской шутке, произнес пограничник с электрошокером. Но, торопясь пройти контрольную зону, Иванов, до шутки не приобщась, мельком бросил взгляд на временной констатат. Циферблат и в самом деле показывал 07:01.

— Это ваши спешат, — не сверяясь для подтверждения слов своих с часами наручными, без улыбки отвечал академик.

— Ну что вы, Борис Анатольевич, — вновь оскандился пограничник. — У нас не спешат.

И, не желая дальше задерживать ни академика, ни очередности следующих подлежащих проверке, сверившись с показателем идентификации, открыл турникет. Загорелся зеленый свет, зона встретила готовностью обыска. Но профессор остановился.

— Да вы проходите, Борис Анатольевич! — подбодрил замешкавшегося человек с автоматом.

— Попрошу вас зарегистрировать отклоняющий факт, — спокойно произнес Иванов и устался уточкой-бородой в лицо при исполнении, из кирпичного постепенно становящегося бордовым.

— Ну что вы, Борис Анатольевич. Минута — это такие мелочи... уж для вас... — Человек при исполнении начинал нервничать, начинали нервничать и сотрудники позади.

— Вы понятия не имеете, что такое минута. Зарегистрировать и направить в лабораторию данные расхождения. Мне, — оборвал профессор.

Но на зоне пропуска в нашем секретном учреждении командует не любопытство научное, но то, что охраняет его покой.

— Не задерживайте, Борис Анатольевич, проходите, пожалуйста. Вопросы о направлении данных показателей по ВК в зоне пропуска не решают.

— И где же решают их?

— В порядке целесообразности направления, в соответствии с заявлением руководителя лаборатории, по рассмотрению выше. Пройдите.

Но Борис Анатольевич не двинулся с места.

Позади начинался ропот тех из нас, у кого в результате задержки время уходило впустую. А время — деньги. За одну минуту никто не вычтет из профессора, академика, головы НИИ и светила. Но за каждую минуту подобного пропуска с мелюзги, составляющей тело учреждения, для начальства нашего — миллион.

Иванов обернулся и, сообразив по лицам направивших сзади сотрудников интересы задержанных им на пропуске, шагнул за турникет.

Так бы происшествие это, на первый взгляд незначительное, при последующем рассмотрении грозящее всему человечеству невиданной доселе трагедией, и забылось бы, вероятно. Но не таков был наш Борис Анатольевич, чтоб до этой трагедии допустить. И не важно, что в дальнейшем последовали потери гораздо большие. Они потерями не были ни для нашей лаборатории, ни для НИЦ, и не в пустоту ушли годы, потраченные на исследования и доказательства замеченного на проходной Борисом Анатольевичем расхождения. Ибо расхождение это было зарегистрировано.

Время же, жизнью отмеренное ему самому, закончилось за одну минуту до решения мировой научной комиссии по проблемам временной энергетики в его пользу. Решения, возвратившего всему человечеству шестьдесят секунд жизни.

Живые и мертвые

Сегодня возвращаюсь домой, только дверь приоткрыл, а мне из будки консьержской какая-то бог ее знает кто: «Кто? Куда? К кому? В какую квартиру?»

Это мне-то она?! Да я всю жизнь в этом доме живу! С ума они здесь все походили...

Ф.М. Булкин

Сто лет не виделись Николай Васильевич с Иваном Петровичем. Время сами знаете как — то растянет на вечность минутой, то жизнь не подождет, пролетит.

И вот они встретились у киоска Респечати на «Шаболовской», и должны были, казалось, оба

встрече той рады быть, но однако же повели себя разное. Николай Васильевич просиял, Иван же Петрович вздрогнул, побледнел, попятился и, судя по его поведению, если б не приветствие Николая Васильевича громогласное: «Иван Петрович, ты?! Вот те на! Сколько зим!» — то встречи этой нечаянной избежать предпочел. Но судьба избежать не дала, и обидеть неузнанием Николая Васильевича было невозможно и неудобно. С чем отошли они вместе от киоска к скамеечкам, закурили.

Часто время, разделив нас годами, делает чужими, часто годы не властны бывают над прежней дружбой, и странно так: жизнь кипит, ежедневно событиями полнится, а за столько лет, бывает, в рассказ коротенький не наскребешь.

Меж старинными приятелями шел сперва неловкий, обычный для давно не видавшихся разговор, то цепляясь за прежнее, то хватаясь за новое, о политике, ценах... Наконец удержались они за общее меж живущими раздражение днем сегодняшним и по этой ниточке благополучно вернулись в минувшие дни. Так, как будто и не разделило их время... А оно меж тем было хотя и весеннее, а вечернее. С чем вскоре Николай Васильевич кинул взгляд на часы. Иван же Петрович, тотчас это подметив, забеспокоился и, растерянно и даже как-то беспомощно вглядываясь в лицо приятеля, со странной тревогой спросил:

— Ты торопишься?

— Извини, это так, по привычке... — смущенно пробормотал в ответ Николай Васильевич, про себя с удивлением отмечая, что приятель его, хотя

мало чем во внешности изменившийся, ведет себя как-то странно, точно за разговором о политике и прежних знакомых скрывает что-то, хочет высказать или спросить...

— Знаешь... — произнес и в самом деле Иван Петрович вдруг нерешительно. — Видишь ли, хочу спросить у тебя одну штуку...

— Что такое? Спрашивай-спрашивай...

— Ну так вот... то есть... Разве ты не знаешь, собственно... Разве никто не говорил тебе...

— Что такое? Что случилось-то?

— Дело в том... что я... так сказать... дело в том... Ведь ты, Николай, в самом деле... ты ведь видишь меня?

— Вижу, разумеется, ты о чем?

— Сам не понимаю, как случилось, что тебе не сказали... Видишь ли, дело в том, что я умер.

И всегда в прежние времена был горазд Иван Петрович на выдумки, но уж эта была так странна и не в прежних его традициях, что не по себе от нее разом сделалось Николаю Васильевичу. Лицо пошутившего выражало сильнейшее беспокойство, в нем читал Николай Васильевич отчетливо: не о шутке и не о выдумке речь. Единственным объяснением была мысль о том, что Иван Петрович... рехнулся.

— Ну ты скажешь, Иван... — промолвил он нерешительно и, не зная, как далее держать разговор, замолчал.

— Уж пять лет тому, Николай. Очень странно, что ты не знал. Я и сам бы тебе не сказал, но, видишь ли, дело в том, что... ты первый, кто меня с тех пор видит.

— Удивительно... — пролепетал Николай Васильевич и, решившись не возражать сумасшедшему, продолжал: — Потрясающе... Надо же... Но какое горе... Как же это случилось?

— Машиной сбило, и, знаешь, вот прямо здесь. — Иван Петрович указал Николаю Васильевичу на гудящий проспект. — Я оттуда сюда шел, и вон там, а она оттуда... Такие дела...

— Поразительно! То есть ужасно... ужасно... — лепетал растерянно Николай Васильевич, пятясь.

— Но ты в самом деле видишь меня?

— Разумеется... ну конечно же вижу!

— Вот что в самом деле поразительно... Понимаешь, я над этим тружусь... работаю! У меня такая теория... Так ты не торопишься? — Сумасшедший в видимом беспокойстве ухватил Николая Васильевича за рукав. — Не торопишься... Замечательно... Пройдемся немного... Я вкратце... — И потянул несчастного Николая Васильевича с собой. — Погода отличная, прогуляемся...

И они пошли вдоль потока автомобильного, от Шаболовской площади в направлении Якиманки.

— Моя теория в том, видишь ли, состоит, что, если не знать о человеке, что умер он, жив он будет... Потому-то и не видят живые покойников, *что знание видения не дает*... Боже мой... Но как это замечательно, что ты меня видишь! Ты же видишь меня?

— Вижу-вижу... — успокаивал сумасшедшего Николай Васильевич. — Но, однако, если ты прав... Это сколько ж покойников среди нас... — И Николай Васильевич, высказав это разумное соображение, ощутив свою правоту, посмотрел на Ивана Петро-

вича с дружелюбной улыбкой, надеясь смягчить этим доводом смятенье чужого рассудка.

— Среди вас, Николай. Среди вас, — подмигнул сумасшедший.

— Ну уж ты... — пробормотал, понимая, что доводы не образумили Ивана Петровича, бедный Николай Васильевич, стараясь вырвать рукав из цепких пальцев приятеля. — Отчего же мы их не видим?..

— Да в том и дело, что видите! Видите, да не знаете, потому что в лицо не знаете!

В этот момент Николай Васильевич в первый раз задумался над сказанным ему сумасшедшим и, задумавшись, вынужден был признать, что доля истины — нет, не истины! допустимости — в этом есть. Если не знать, что умер кто-нибудь, он и жив... Но далее мысль не успела развиваться...

— Кошка! — воскликнул Иван Петрович, добавляя лишь большей сумятицы в свою тревожную речь. — Кошка! Кошка... она не знает, что хозяин умер ее, и, если вернется он, так же прыгнет ему на колени, а жена на порог не пустит его... свечи ставить пойдет за упокоение... — И добавил с горечью: — Как моя...

— Кстати, как она?

— Замуж вышла...

— Да ты что?! — Фактом этим был поражен Николай Васильевич много более прежнего разговора, ибо факт сей был из реальности, и, быть может, на нем-то и умом нарушился бедный Иван Петрович.

— Так-то вот... И развода не нужно, и имущество не делить... дача, квартира — все ей отошло... а са-

мое обидное, понимаешь... Мне кажется, она меня видела... тоже видела! Когда я вернулся...

Однако на этот раз Николай Васильевич не стерпел слушать бред сумасшедшего, потому что в прежние годы и сам питал надежды некие относительно упомянутой женщины, но она любила крепко-накрепко рядом идущего и на все надежды Николая Васильевича отвечала отказом. Чтобы утешить помутившегося рассудком приятеля, — тем более дело давнее, прошлое, — Николай Васильевич поделился с Иваном Петровичем своей давешней эскападой.

Иван же Петрович выслушал исповедь со вниманием, и к концу рассказа лицо его выражало огромное облегчение, прояснилось! В глазах сумасшедшего видны были слезы, что лишь подтверждало, что нервы его расстроены и поводом к расстройству действительно был развод.

Давно замечено: увлекательная беседа, о чем бы ни была она, стирает время с пространствами, и к моменту окончания странного этого разговора Николай Васильевич с Иваном Петровичем дошли стеною монастырскою до бульвара.

Здесь они распрощались. Николаю Васильевичу было наискосок. Иван Петрович же сказал, что ему прямо.

Николай Васильевич, чрезвычайно довольный, что нашлось ему чем утешить смятенный разум приятеля, перешел улицу и, остановившись на той стороне, оглянулся.

Взгляд его натолкнулся на совершенно пустынную улицу вдоль стены Донского погоста.

* * *

Добредешь, бывает, до постели своей, день едва дожив, до подушки — и все вертишься, крутишься, мысли дня прожитого, ровно черти, пижаму облепят, уснуть не дают. То не так, говорят, то не эдак, и в прожитом дурак выходишь совсем, и в грядущем, обещают, выйдешь дурак. А однако же переход в морфейное заведение совершается вдруг, да так незаметно, нечаянно, что и досчитать до ста не успе...

Вася Веточкин однажды так крепко уснул, что проспал не только звонок будильника, но и собственную кончину. Он вскочил часу в девятом, понял, что не до завтрака, и, всклокоченный, на ходу застегивая пальто, побежал на работу.

На остановке троллейбусной в наши мерзкие ноябрьские сумерки дела нет человеку до человека, и вообще-то нет, а в час пик особенно — и чем больше людей до тебя поездкой притиснется, тем твое меж них одиночество пуще. С тем никто не обратил внимания меж живых на умершего, все толкаются, он толкается, «Тройка» есть — проходи. И в метро получилась та же история: турникеты — бездушная электроника, все равно ей, покойник ли, не покойник. Проезд оплатил — иди, живых не задерживай, в переходах, на эскалаторах в часы пик у нас и без покойников тесно.

На работе у нас тоже в первые дни никто не заметил, что с Васей что-то не так, что особенно показательно, в смысле том, что зря беспокоимся о внешнем виде своем, прячем друг от друга дырочки на локтях, носки разные по ботинкам, ибо нет среди нас, кроме нас, того, кому есть до нас дело.